

Историки, занимающиеся изучением XVIII в. и принадлежащие к двум во многом автономным и замкнутым корпорациям специалистов по отечественной и зарубежной истории, в нашей стране традиционно всегда были готовы к сотрудничеству. Это и предопределило логику институционализации их в сообщество. Возникшее в 1994 г. Российское общество по изучению XVIII в. объединило в своих рядах ученых обоих направлений. На постоянных семинарах Центра по изучению XVIII в. Института всеобщей истории РАН русисты не менее частые гости, чем специалисты по европейскому просвещению. Ныне сообщество обрело регулярное издание – альманах под редакцией доктора исторических наук С.Я. Карпа, который предполагается выпускать раз в два года.

Формат альманаха не совсем обычный. Столь монументальные сборники – его объем шесть с половиной сотен страниц (местами сопровождаемых отличного качества черно-белыми иллюстрациями) – сегодня редкость. Другая отличительная черта альманаха – междисциплинарность: он предоставляет свои страницы не только историкам, но и искусствоведам, филологам, лингвистам, "представителям других дисциплин, занимающихся изучением различных аспектов духовной культуры, быта и уклада жизни эпохи Просвещения" (с. 5). Готовность публиковать статьи коллег, специализирующихся на смежных с историей дисциплинах, не является чем-то уникальным, однако до сих пор она была характерна для изданий, имеющих литературоведческую направленность (как «Новое литературное обозрение») или ориентирующихся на художественное творчество в целом (подобно относительно новому журналу «Историк и художник»). Кроме того, «Век Просвещения» публикует статьи зарубежных авторов на языке оригинала (французском или английском), а в материалах отечественных исследователей нередко обширные цитаты или отдельные фразы, не переведенные на русский язык, что невольно порождает ассоциации с дореволюционными традициями российского научного книгоиздания. В наши дни подобный подход может вызывать неоднозначное отношение. С одной стороны, в этом видятся отсылки к обычаям того образованного круга людей XVIII в., той *république des Lettres*, для которой языком международного общения был французский, пришед-

ший на смену средневековой латыни, а также стремление дать тексты без неизбежного при переводе искажения. С другой стороны, это сужает круг возможных читателей, правда, не существенно, поскольку «Век Просвещения» рассчитан преимущественно на специалистов.

Первый выпуск альманаха в значительной степени составлен по материалам прошедшей осенью 2004 г. в музее «Архангельское» представительной международной конференции «Культурное пространство Европы в эпоху Екатерины II: книги, произведения искусства, культурные практики», где «была предпринята попытка преодолеть искусственные барьеры, отделяющие историю "отечественную" от "всеобщей", историю дипломатии от истории культуры, а историю литературы, книги, живописи, скульптуры и архитектуры от истории мысли и истории нравов» (с. 6).

Открывается альманах разделом «Посредники». Это те люди, которые распространяли в Европе идеи Просвещения и являлись посредниками между просветителями и правителями, между разными народами, между продавцами и покупателями художественных ценностей. Здесь выделяется статья французского историка Ж. Дюлака «Изыщные искусства в контексте связей Дидро с Россией: размышления философа (1765-1780)», посвященная мыслям Дидро о том, какого направления разумно придерживаться вступающей на путь Просвещения России, и об особенностях рецепции в нашей стране французских идей. Автор подчеркивает контраст, существовавший между воззрениями Дидро и планами Екатерины. Если императрицу интересовал прежде всего конкретный аспект Просвещения – способы привить своим подданным вкус к литературе и изящным искусствам, то Дидро считал более принципиальным иной путь – даровать крестьянам и ремесленникам свободу, которая и послужит базой для их культурного развития.

Другой весьма интересный материал этого раздела – статья С.Я. Карпа «Переписка Екатерины II с Фридрихом Мельхиором Гриммом: из истории рукописей» – представляет собой своеобразное миниатюрное расследование. Публикация этой переписки хорошо известна, однако, как отмечал один из французских исследователей еще в конце XIX в., «не любопытно ли, что письма императрицы человеку, чей дом был разорен и чьи бумаги рассеяны по

четырем сторонам света, вновь оказались собораны в одном месте» (с. 49) Изучению того, как это могло произойти, и посвящена статья.

Во втором разделе альманаха, озаглавленном «Модели – влияния», привлекает внимание прежде всего материал «Династическая политика и архитектура во второй половине царствования Екатерины II». Автор выявляет связь между созданием и изменением архитектурных ансамблей императорских дворцов и взглядами императрицы на судьбы династии, ее постоянно менявшимся отношением к сыну и невестке, планами и надеждами, которые она связывала с внуками. В выявлении этой связи нет ничего сенсационного, однако эрудиция автора и опора на другие его исследования позволяют воссоздать атмосферу неопределенности в отношении судеб престола, характерную для екатерининской эпохи и вылившуюся, в частности, в «битву дворцов». Ее жертвой стал, среди прочих, грандиозный архитектурный ансамбль, возведенный Екатериной II для внука и разрушенный Павлом I, – Пелла, по сравнению с которой, как писала сама императрица, «все мои загородные дворцы только хижины» (с. 158).

Третья часть альманаха сконцентрирована вокруг традиционной для изучения европейского Просвещения темы книг и книжной культуры. Размещенные здесь статьи позволяют посмотреть под разным углом зрения на особенности формирования книжных коллекций российских аристократов или, если брать шире, на отличительные черты постепенного проникновения в Россию западной книжной культуры. Главные герои этого раздела – граф А. С. Строганов (статья В. А. Сомова), его сын П. А. Строганов (материал А. В. Чудинова), князь Шерbatов (эссе В. Береловича), семья Воронцовых (о ней пишет Е. В. Полевщикова) – сыграли большую роль в процессе культурного сближения России и Европы, которым была отмечена эпоха Екатерины II.

К этой части сборника примыкает раздел, посвященный коллекционерам и художникам. Характерно, что последний его материал, этюд А. А. Ароновой «73 дня из жизни архитектора Петра Еропкина», подводя своеобразный итог первому выпуску «Века Просвещения», вновь заставляет задуматься о том, насколько тесно судьбы этого явления в России были связаны с намерениями и действиями властей. П. М. Еропкин – боярский сын, получивший образование в Италии и ставший профессиональным архитектором, отданный под

суд и подвергнутый пыткам при Анне Иоанновне, – был виноват только в том, что принадлежал к интеллектуальному кружку кабинет-министра А. П. Волынского. Хотя П. М. Еропкин выступал всего лишь в роли «научного консультанта» своего патрона, это стоило ему жизни.

Завершают альманах научные сообщения и библиографические материалы. В целом, несмотря на неизбежную разноплановость такого рода сборников и объединенных в них статей, «Век Просвещения» получился гармоничным и, что самое главное, предоставляющим пищу для размышлений. Однако наряду с безусловными его достоинствами, хотелось бы отметить и некоторые спорные моменты: составители альманаха отказались от объяснения своей позиции по ряду аспектов, хотя они отнюдь не очевидны. Например, в предисловии Просвещение трактуется как историко-культурный феномен, вместе с тем представляется несомненным крен материалов данного выпуска в сторону не столько истории, сколько культуры. Случайность ли это или за этим кроется определенная позиция его создателей?

Еще один вопрос, который может показаться формальным, но на самом деле он принципиален: каковы, с точки зрения редакционной коллегии, хронологические рамки «века Просвещения»? Какова его протяженность? Хотя основной корпус материалов относится к 50–80-м годам XVIII в., есть исключения. Так, материал о П. М. Еропкине, касающийся событий 1740 г. (весьма распространенной датой начала эпохи Просвещения), по проблематике далек от нее. Да и пришел ли к этому времени Просвещение в Россию? С другой стороны, несколько статей и интересные размышления Е. Э. Ляминой о книге М. Озуф «Революционный праздник» относятся уже к совершенно иной эпохе – ко временам Французской революции. Является ли и Революция частью Просвещения? Ответить на этот вопрос самостоятельно, без четко выраженной позиции создателей альманаха, невозможно. Хочется надеяться, что в последующих выпусках они не поспеют на хотя бы краткий разговор с читателем о своем кредо.

Д. Ю. Бовыкин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой
и новейшей истории стран
Европы и Америки исторического
факультета МГУ